

Сяо Хэн бросил на неё беглый взгляд, неторопливо подтолкнул Ван Хуэйчэна к месту рядом с Юй Минцзяном, а сам засеменил к пустому стулу возле пожилого мужчины.

Когда все расселись, пришло время завтрака. Старуха во главе стола расплылась в улыбке и миролюбиво произнесла:

— Доброе утро, гости дорогие. Прошу прощения, что не встретили вас как подобает вчера вечером. В семье мужа меня зовут матушкой Чэнь, так и величайте. Послезавтра у меня семидесятилетний юбилей, так что прошу вас, почтенные гости, обязательно остаться и разделить с нами трапезу.

За столом никто не возразил, отчего улыбка матушки Чэнь стала только шире.

Она едва заметно покосилась на место Сюфэн. Для девушки не было приготовлено ни стула, ни приборов, но та, похоже, не видела в этом ничего странного. Сюфэн стояла поодаль, опустив голову, подобно безмолвной фарфоровой статуэтке.

Словно обретя новую уверенность, матушка Чэнь внезапно добавила:

— Дом у нас большой, а людей мало, так что есть свои порядки, о которых я должна вас предупредить.

Это, очевидно, были ключевые правила испытательного инстанса. Все тут же насторожились, слушая старуху:

— В последнее время в деревне беспокойно. Как стемнеет, ворота запираем, до самого рассвета. Если кому нужно выйти — не забудьте вернуться до темноты.

Цзин Бай неожиданно спросил:

— А что будет, если не вернуться?

Матушка Чэнь повернула голову и улыбнулась ему, как ребёнку, обнажив полные рты белых, как кость, зубов:

— Я ведь старая, за порог не выхожу, откуда мне знать о том, что снаружи творится? Говорю из добрых побуждений, исключительно ради вашей безопасности.

Увидев, что никто не спорит, она продолжила размеренным тоном:

— Ещё есть дела по дому, за которые стоит заранее попросить прощения. Через три дня у нас банкет, и все эти ночи Сюфэн будет готовить угощения. Если услышите какой шум — не обессудьте.

Цзин Бай тут же вспомнил звуки рубки мяса и пение Сюфэн, которые слышал ночью, и у него на душе стало тяжело.

В этом семействе явно не было ни одного живого человека. Неужели то, что Сюфэн рубила вчера...

Его взгляд невольно упал на пустой стул, где не было ни миски, ни палочек.

Странно, но в Башне, за те три дня отдыха, чувства голода не возникало, а здесь, внутри инстанса, оно появилось. Цзин Бай не ел с самого момента прибытия, и сейчас действительно проголодался.

На столе стояла лишь жидкая рисовая каша да соленья, ничего подозрительного. А поскольку оба правила, озвученные старухой, касались ночного времени, Цзин Бай решил, что дневная еда должна быть безопасной, и спокойно взял в руки миску.

После истории с супом из зимней дыни никто за столом не решался притронуться к еде. Цзин Бай, взяв палочки, стал первым, кто начал есть.

Все взгляды тут же скрестились на нём, а у некоторых на лицах читался неподдельный ужас.

Даже при его исключительной внешности нельзя было скрыть, что Цзин Бай — человек с самым высоким уровнем загрязнения в этом инстансе. В глазах окружающих смешались разные чувства, кто-то даже заподозрил, что он сошёл с ума.

Под ошеломлёнными взглядами остальных Сяо Хэн тоже молча поднял миску и принялся за еду.

Юй Юэ погладил свой пустой живот. Вспомнив горький опыт и совет старшего, который он проигнорировал в прошлый раз, он пересилил себя, взял палочки и принялся жадно есть.

Его сосед по комнате Гэн Сытянь, увидев, что тот начал есть, принялся отчаянно подмигивать ему, всем видом показывая: Ты что, спятил?!

Юй Юэ покачал головой и принялся хлебать кашу. По правде говоря, готовила Сюфэн отменно: каша была густой, ароматной, да и закуски оказались на удивление вкусными. У него разыгрался аппетит, и он даже попросил добавки.

Двое мужчин в тюбетейках тоже ели. Честно говоря, по их бесстрастным лицам было трудно сказать, чувствуют ли они вкус, но они методично, ложка за ложкой, отправляли еду в рот с пугающей регулярностью.

Старуха сделала пару глотков, обвела взглядом стол и, задержавшись на Гу Илань, Чжоу Дэчане и других, кто не притронулся к еде, усмехнулась:

— Гости дорогие, почему же не едите? Неужели вам не по нраву стряпня нашей Сюфэн?

Услышав своё имя, Сюфэн, которая до этого стояла смирно, вдруг вздрогнула. Она молча вышла вперёд, опустилась на колени и низко склонила голову. Лица её было не видно, но хрупкие плечи мелко дрожали.

На лице Гу Илань промелькнуло сочувствие. Янь Куй, сидевшая рядом с Юй Юэ, прошептала ему:

— Эту еду вообще можно есть?

Юй Юэ, не переставая жевать, невнятно ответил:

— Я просто следую за старшим.

Старуха во главе стола, заметив их перешёптывания, помрачнела:

— Хотя я и почитаю вас за дорогих гостей, прошу следовать нашим правилам: во время еды — ни слова.

После её слов все притихли, и за столом воцарилась мёртвая тишина.

Цзин Бай, до этого молчавший, бросил взгляд на палочки в руках матушки Чэнь и насмешливо приподнял бровь.

Старуха, заметив это, почернела от ярости и с грохотом бросила палочки на стол.

Атмосфера немного разрядилась. Гу Илань и Янь Куй, видя это, тоже взялись за еду. Чжоу Дэчан и У Хуай, видимо, всё ещё находясь под впечатлением от того самого супа, так и не притронулись к пище, лишь лениво ковыряя палочками в мисках.

Старуха, заметив это, перевела угрюмый взгляд на коленопреклонённую Сюфэн:

— Что ты такое приготовила, что гости отказываются есть! Детей родить не можешь, так ещё и еду приготовить не в состоянии! А ну, иди и извинись перед гостями!

Сюфэн тихо отозвалась и подняла голову — её миловидное лицо было залито слезами. Старуха нахмурилась и с брезгливостью бросила:

— Вечно ходишь с кислой миной, будто кто-то перед тобой виноват. Что за поведение!

Сюфэн молча вытерла лицо, подошла к Чжоу Дэчану и тихо спросила:

— Гость, вы не хотите есть, я что-то сделала не так?

Чжоу Дэчан, конечно, не мог сказать правду и что-то невнятно пробормотал. Взгляд Сюфэн, чистый, как родниковая вода, полный невыразимой печали и недоумения, заставил его почувствовать себя неловко. Он опустил голову, не в силах смотреть ей в глаза.

Старуха пришла в ярость, её скулы опасно выдались, придавая лицу свирепое выражение:

— Я велела извиниться, а ты что, глазки строишь?!

Сюфэн вздрогнула, крупные слезы сорвались с её ресниц. У Хуай, не выдержав, толкнул Чжоу Дэчана в бок и первым отпил каши.

Чжоу Дэчан всё ещё колебался, но Сюфэн уже опустилась перед ним на колени и отвесила низкий поклон:

— Это моя вина, что еда не пришлась вам по вкусу. Гость, не принуждайте себя.

Чжоу Дэчан, сидя на стуле, принял этот поклон. Сюфэн вытерла слёзы, поднялась и направилась к застывшему Ван Хуэйчэну.

Тот с самого момента, как Сяо Хэн усадил его за стол, сидел с отсутствующим видом, не говоря уже о том, чтобы взять палочки. Когда Сюфэн подошла к нему, его словно током ударило: он с резким криком вскочил со стула.

Сюфэн, уже приготовившаяся опуститься на колени, испугалась:

— Гость...

Все за столом уставились на него. Матушка Чэнь посмотрела недобро, а Сюфэн выглядела растерянной. Ван Хуэйчэн ошалело огляделся, вздрогнул и, не дожидаясь ничьей реакции, плюхнулся обратно на стул и принялся жадно есть.

Сюфэн в замешательстве посмотрела на старуху:

— Матушка...

Не найдя повода для придинок, та злобно прошипела:

— Ты что, глупая или деревянная? Только и умеешь, что столбом стоять? Не видишь, Бао'эр закончил? Иди прислужи ему!

Бао'эр — это тот самый молодой мужчина рядом с Цзин Баем. Механически доев кашу, он вернулся в состояние каменного изваяния, уставившись в одну точку. Пожилой мужчина справа от старухи пребывал в том же состоянии. Ели они с одинаковой скоростью и даже палочки положили почти одновременно.

Зрелище было жутковатым, но матушка Чэнь и Сюфэн словно ничего не замечали. Когда все закончили завтрак, старуха сказала:

— Раз поели, гости дорогие, делайте что хотите.

С этими словами она помогла подняться пожилому мужчине — скорее всего, своему мужу. Сюфэн поклонилась гостям, помогла встать Бао'эру, и они медленно скрылись из виду.

Оставшись за столом, Чжоу Дэчан, считавшийся негласным лидером, нахмурился:

— Давайте поделимся на две группы. Я пойду разузнаю, что к чему, заодно поищу еду. Остальные пусть осмотрят дом, вдруг найдутся какие-то зацепки.

Гу Илань, считавшая, что из всех присутствующих только Чжоу Дэчан и У Хуай вызывают доверие, поспешила сказать:

— Тогда мы тоже пойдём с вами.

Чжоу Дэчан повернулся к Цзин Баю:

— Тогда вы, две группы, оставайтесь здесь и ищите подсказки.

Он уже понял, что Юй Юэ ходит хвостиком за Цзин Баем, Гэн Сытянь собственной воли не имеет, а от двух оставшихся толку мало. Эта команда была скорее обузой, чем подспорьем, и брать их с собой он не хотел, поэтому и предложил разделиться.

Цзин Бай посмотрел на Сяо Хэна, тот кивнул, и Цзин Бай согласился. В этом доме было слишком много странностей, и до того, как во всём разобраться, он сам не планировал выходить наружу.

Чжоу Дэчан и остальные, увидев, что Цзин Бай советуется с ребёнком, странно переглянулись. У Хуай, собиравшийся что-то сказать, запнулся, но затем произнёс:

— Тогда встречаемся до темноты в переднем дворе, где мы остановились.

Никто не возразил, и они логично разделились. Как только группа Чжоу Дэчана ушла, Юй Юэ спросил:

— Старший, куда мы направимся?

Цзин Бай не ответил, а посмотрел на Ван Хуэйчэна, который после еды так и сидел неподвижно:

— Хочешь что-то сказать... Ван Хуэйчэн?

Тот вздрогнул, услышав своё имя, и поднял голову. Сяо Хэн уже стоял перед ним. Молчаливый мальчик смотрел на него ясными глазами, что немного успокоило Ван Хуэйчэна. Прежде чем заговорить, он попытался привести в порядок сумбурные мысли.

— Я ничего не скрывал! Я правда ничего не слышал! Когда я проснулся утром, Юй Минцзян уже был таким. — Он снова вздрогнул и начал нервно отряхивать одежду, будто пытаясь смахнуть несуществующие пятна. — Я был весь в крови... и в том, что было на Юй Минцзяне. Я закричал, и прибежали У Хуай и остальные.

Юй Юэ допытывался:

— А до того, как вы легли спать, кроме супа из зимней дыни, Юй Минцзян что-то делал? Было ли с ним что-то необычное?

Ван Хуэйчэн на мгновение замер. Казалось, его мысли всё ещё путались, но после вопроса Юй Юэ он словно что-то вспомнил и задрожал всем телом.

<http://bllate.org/book/21799/2255666>